
ИСТОРИОГРАФИЯ

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ К 85-ЛЕТИЮ ЮРИЯ ЛЬВОВИЧА БЕССМЕРТНОГО (1923 – 2000)

Ю. П. Крылова

У каждого из нас были учителя, преподаватели, педагоги, которые пытались по мере сил вложить что-то из своих знаний, умений, опыта в головы — чаще по-юношески легкомысленные — своих учеников. Однако не всех мы можем сегодня назвать Учителями, память о которых продолжаем хранить долгие годы. Наверное, это большое везение, когда нам в жизни встречается человек, которого мы понимаем с полуслова и чьи идеи безоговорочно принимаем, потому что интуитивно чувствуем их «своими», существующими где-то в глубинах собственного разума.

Мне повезло впервые услышать Юрия Львовича на втором курсе университета. Две прочитанные им лекции не поразили ветреных, только что окунувшихся в Средние века, студентов искрометностью или уникальностью представленных фактов. За окном стоял жаркий сентябрь, мысли блуждали явно не по просторам раннего Средневековья. Но, как ни странно, в отличие от многих других услышанных за пять лет учебы, те лекции остались в памяти до сих пор: внешний вид преподавателя — подтянутый, всегда «с иголочки» одетый, продуманная чуть не до частиц и предлогов речь. И впервые услышанные от него фразы, которые станут лейтмотивами дальнейшей работы: «посмотреть глазами средневекового человека», «влезть в шкуру того, кого изучаем», «постичь», «версии истолкования», «своеобразие человека».

Через год произошло знакомство с его книгами. «Частная жизнь», первый «Казус» — именно они помогли принять решение и просить Юрия Львовича взять на себя руководство над моими студенческими исследованиями. Профессор Бессмертный охотно и терпеливо за-

Юлия Петровна Крылова, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории, ответственный секретарь «Французского ежегодника».

нимался с учениками. В методах его работы сказывалась школа его собственного учителя А. И. Неусыхина. Юрий Львович приглашал студентов домой, долго беседовал, сокращая время своих исследований, терпеливо работал с текстами. Его ученики помнят, как пугали перевернутые галочки на полях и — радовали «птички», проставленные рукой научного руководителя. Он внимательно выслушивал любую, даже самую никудышнюю, идею, никогда не ругал, журил за лень, и всегда делился опытом, наставлял, учил. С моей точки зрения (и это я понимаю отчетливо только сейчас), это было своего рода подвижничество — работать с нами, расстраивавшими его своими посредственными знаниями и способностями.

Юрий Львович приглашал учеников и коллег к интереснейшему общению с источниками как с живыми собеседниками. Он призывал «вывести автора на чистую воду», «не верить написанному, во всем сомневаться», вслушиваться не те только и не столько в речь автора, сколько в его проговорки, «случайные» фразы, неосознанно высказанные мысли. С его точки зрения, цель исследований должна быть в том, чтобы «нащупать парадокс, уйти от общеизвестного». Именно такие столкновения дают возможность глубинного осмысления человека или ситуации.

В исследовании Юрий Львович настаивал на так называемой «карточной системе». Нынешним студентам, наверное, сложно представить принципы работы старших поколений. Без компьютеров, от руки делались тысячи выписок из источников и литературы на карточках. Потом их раскладывали по темам-проблемам-идеям, фиксируя наблюдения и дополняя комментариями, которые должны были укладываться в русло, определяемое проблематикой. Схема карточек, которые Юрий Львович предлагал составлять, работая с источниками, должна была выглядеть следующим образом:

Ключевые слова:

1. Общие
2. Первое раскрытие
3. Второе раскрытие и т. д.

Адрес источника (от автора до страницы)

↑

Текст источника

↓

Свои истолкования, наблюдения

И таких карточек могла быть сотня, две, три... Возможно, сейчас это кажется архаичным, ушедшим в далекое прошлое. Однако, как показал дальнейший опыт, ни одна другая система не способствовала такой четкости мысли. И хотя карточки можно замечательно создавать на компьютере, нужно признать, что чаще всего мы этого не делаем. Темпы жизни нарастают, работы, «которую нужно срочно сделать и сдать вчера» хватит на всю жизнь, а идей и планов — на две. Мы уже не можем позволить себе роскошь составления карточек, тщательнейшего, глубинного обдумывания каждой фразы или даже части фразы источника. Ранее создававшая за год скрупулезной работы статья теперь нередко пишется за месяц. И с грустью вспоминается Юрий Львович, обучавший нас основам, а скорее таинствам, научной работы.

Он никогда не навязывал тему исследования. Прежде выяснял предпочтения, узнавал интересы, спрашивал, не смущает ли тот или иной аспект предложенной им темы. Если тема «не шла», пытался найти другую, более близкую мироощущениям студента, которого он сразу и навсегда воспринимал как будущего коллегу. На последнем курсе университета у меня не было ни малейших колебаний относительно моей дальнейшей судьбы. Само собой разумелось, было совершенно закономерно и естественно, мое последующее поступление в аспирантуру, потому что по-другому быть просто не могло. Именно благодаря ему, была определена моя профессия (мало кто мечтает с детства работать историком!).

Юрий Львович очень ценил хороший литературный стиль. Сам учился и учил других писать легко, художественно, без нагромождения наукообразных терминов, которые можно было бы заменить простыми словами. Целью пишущего должен быть интерес читающего. «Читатель — крепость, которую надо взять!» — говорил Юрий Львович. Он предлагал интриговать читателя, окутывать тайной, вести за собой в исследовании, добиваться, чтобы тот поверил написанному.

Вокруг профессора Бессмертного всегда было много учеников, единомышленников. Он вел несколько семинаров: в Институте всеобщей истории РАН и в РГГУ. На семинаре в ИВИ практиковалась раздача готовых текстов постоянным участникам (при отсутствии электронной почты, а нередко и компьютеров у авторов). Текст ксерокопировали и развозили коллегам. К очередному заседанию все знакомились с ним и сразу начинали обсуждать без дополнительного зачитывания. На семинары стекалась масса народу, никто не уходил посередине действия, поскольку знали, что самое интересное впереди: в конце каждого обсуждения Юрий Львович подводил итоги дискуссии. Впоследствии тексты перерабатывались в статьи для коллективных трудов. Собственно, они уже и были статьями: тезисы и развернутые сообщения

не принимались. Но Юрий Львович был строгим редактором. Статьи для сборников переписывались иногда до семи раз! Авторы обижались на него, но качество научного труда, за который он отвечает, было прежде всего. В итоге все коллективные издания, вышедшие под его руководством, состоят из статей, написанных хорошим стилем, с четким и логичным развитием сюжета. Их можно перечитывать не один раз. Именно потому сам Юрий Львович написал так мало своих собственных книг. Большую часть времени он тратил на коллективные труды: «История крестьянства в Европе»², «Споры о главном»³, «Женщина, брак, семья до начала нового времени»⁴, «Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни»⁵ «Историк в поиске»⁶, «Человек в мире чувств»⁷, «Казус»⁸ и многие другие.

Как я узнала позже от коллег, он переживал, что мало сделал, не создал школы. И это было удивительно, поскольку при нем действовала и ныне продолжает активно работать его «школа», коллеги-единомышленники, которых объединяют общие взгляды, интересы, исторический инструментарий. Список его научных трудов содержит около 300 наименований⁹, им было положено начало истории частной жизни, микроистории в нашей стране, он создал Центр «Истории частной жизни и повседневности», был основателем альманаха «Казус» и одним из создателей «Одиссея», десятки его учеников, коллег, близких по духу его идеям, защитили диссертации. Именно его заслуга в том, что они продолжают работать в науке и развивают его принципы. Именно они стали его «школой», его вторым дыханием, открывшимся уже на закате.

² История крестьянства в Европе. Т.1–3. М., 1985–1986.

³ Споры о главном. Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». М., 1993.

⁴ Женщина, брак, семья до начала нового времени. М., 1993.

⁵ Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени. М., 1996.

⁶ Историк в поиске. Микро- и макроподходы к изучению прошлого. М., 1999.

⁷ Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени. М. 2000.

⁸ Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. М., 1997, 1999, 2000, 2002. Под редакцией Ю.Л. Бессмертного вышло три выпуска, четвертый заканчивали уже без него... Альманах продолжает выходить и поныне.

⁹ Homo Historicus: К 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного. М., 2003. Т.2. с.381–401.

Юрий Львович обладал для большинства коллег непререкаемым авторитетом. Если, с его точки зрения, диссертация не соответствовала высокому научному уровню, он мог выступить на Ученном совете с критикой. К его мнению прислушивались. В тайном голосовании, без принуждения члены совета голосовали против защищаемой работы.

Однако он никогда не навязывал собственное мнение, считая, что у каждого оно должно быть свое. В работе с историографией он предупреждал: «Бойтесь авторитетов!». Громкие имена можно и нужно критиковать, если есть за что. Это было его научной позицией и общим взглядом на мир: индивид, с уникальными, только ему свойственными представлениями может поколебать и изменить традиционные стереотипы мышления. И именно исследование индивидуального и уникального было взято за основу при создании альманаха «Казус».

Немногие молодые люди обладали такой энергией, как Юрий Львович. Ему было уже за 70, но я не переставала удивляться, откуда столько сил и бодрости у пожилого человека. За ним было невозможно угнаться, он чуть ли не прыгал через ступеньки, когда шел по лестнице. Юрий Львович всегда радовался жизни, сложно найти фотографию, на которой бы он не улыбался. В его жизни, как у любого человека его поколения, были тяжелые времена. Детство, пришедшееся на страшные 30-е годы. Военная юность. Пройдя войну, он старался никогда не говорить о ней. После — притеснения в научной деятельности и искусственно создававшиеся препоны с защитой диссертации. Однако, несмотря ни на что, он оставался светлым, веселым человеком, легко увлекающимся. Он жадно интересовался всем новым, свободно работал на компьютере, учил и более молодых искать информацию в Интернете.

Как любой человек, он не был идеальным. Таких не бывает. У него были свои удачи и неудачи, достоинства и недостатки. Но он был *живой*.

Когда бы ни ушли дорогие нам люди, все равно кажется, что это произошло нестерпимо рано. В 2000 году по трагической случайности — из-за врачебной ошибки — Юрия Львовича не стало. Но я не ощущаю, что его нет. Работая над той или иной проблемой, я часто думаю, что сказал бы Юрий Львович? Похвалил бы? Или остался недоволен?

Люди живы, пока о них помнят.